

Анатолій Главацкій

Начало

Анатолий Главацкий

Начало

«Издательские решения»

Главацкий А.

Начало / А. Главацкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939129-2

Автор этой книги Анатолий Филиппович Главацкий родился и вырос на Украине, закончил институт в Одессе и с тех пор живёт и работает в Казахстане. Анатолий Филиппович — руководитель многоотраслевого успешно работающего предприятия «НОКО». В книге рассказывается о его детских и юношеских годах, о том, как семье Главацких пришлось жить в годы Великой Отечественной войны в немецкой оккупации, о том, как росли и быстро выросли дети его поколения. Книга рассчитана на массового читателя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939129-2

© Главацкий А.
© Издательские решения

Содержание

Начало	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Начало

Анатолий Главацкий

© Анатолий Главацкий, 2018

ISBN 978-5-4493-9129-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор этой книги Анатолий Филиппович Главацкий родился и вырос на Украине, закончил институт в Одессе и с тех пор живёт и работает в Казахстане. Его трудовой стаж превышает полвека.

Анатолий Филиппович – руководитель многоотраслевого успешно работающего предприятия «НОКО».

В книге рассказывается о его детских и юношеских годах, о том, как семье Главацких пришлось жить в годы Великой Отечественной войны в немецкой оккупации, о том, как росли и быстро выросли дети его поколения.

Проникновенные строки посвящены его близким – отцу и матери, бабушке, сестре, друзьям, школьным учителям, быту того времени, неповторимой природе мест, в которых произошло человеческое становление автора.

Книга рассчитана на массового читателя.

Анатолий Главацкий

Начало

(Серьёзное, но и юмористически насмешливое повествование об истоках одной нерядовой жизни)

Итак, мы начинаем...

Ну что же, господа присяжные заседатели, как говаривал некогда известный литературный персонаж, пробил и мой час. Мне 77 лет, и я пускаюсь в сомнительное путешествие по путям-дорогам моей извилистой жизни. Надеюсь, эти своеобразные путевые заметки по избранным местам моей биографии, в которой хватало всякого – драматического и комического, романтического и приземлённого, успеха и неудач (но больше было всё же хорошего, настоящего), будут если не поучительными, то как минимум не скучными... Начинаю то, о чём давно думалось и мечталось...

Хочу предупредить, где-то мой рассказ будет непоследовательным, я буду перескакивать с одного на другое, отвлекаться от темы, забегать вперёд и возвращаться обратно... Так что уж, хотите вы того или нет, вам придётся принять меня таким, какой я есть... И мы потом вместе поглядим, что из этого получится...

Родился я 9 августа 1939 года в интереснейшем уголке Одесской области на Украине. Деревня наша – Ясиново-2 – была необычна по размерам и планировке и нестандартна по сравнению с другими деревнями Украины. Стояла она на берегу реки Кодыма, здравствующей, к счастью, и доселе. По ее правому берегу тянутся непрерывные поселения шириной от 300 до 400 метров и длиной до двух-трех километров. По левому же берегу они расположены прерывисто – через три-четыре, а то и пять километров друг от друга.

Речка Кодыма – не широкая и не полноводная, местами и временами пересыхающая. Но в пору весеннего половодья и после особо обильных летних гроз она широко разливается, затопливая низины и прилегающие окрестности.

Почему я так много говорю о ней? Потому что в моих детстве и юности эта река сыграла особую – огромную – роль. Можно сказать – воспитала во мне неистребимую любовь к водной стихии. Потом эта любовь переросла в страсть, и вся моя дальнейшая жизнь так или иначе оказалась связана с реками, морем и даже океанами.

Речка, поросшая осокой и камышом на участке, прилегающем к той части деревни, где я родился, была довольно широкой постоянно – доходила до 400 – 600 метров, а это не так мало. И чтобы закончить с речкой, скажу еще, что она течёт с Запада на Восток и впадает в Южный Буг.

Наша деревня Ясиново-2 тянется вдоль Кодымы на десять километров, а границы поселения условны. На другой стороне реки – деревня Ясиново-1, которая намного меньше нашей и, конечно, не так интересна. В нашей была средняя школа, в которой я учился (есть она и сейчас); три клуба – в центре села и по краям; церковь, сохранившаяся даже в Великую Отечественную войну; МТС – машинно-тракторная станция; магазины сельпо... Даже чайная была, где по выходным и праздничным дням пили главным образом не чай. Скажу больше: чай там не пили никогда, поскольку его там никогда не водилось. Зато местпром выпускал ситро и мороженое, что сразу отличало наше Ясиново-2, делало на несколько голов выше других деревень.

Но главным отличием был большой базар с огороженной территорией и даже крытым корпусом на ней. Базар работал три дня в неделю – по воскресеньям, вторникам и пятницам. Главный – большой базар – был, конечно, в воскресенье.

Но я ещё не все назвал, что у нас было. А это большая больница и аптека. Школа имела два больших корпуса из красного кирпича под железной крышей. Вокруг был разбит большой

парк: клёны, аллеи желтых акаций и другие деревья. Был сад и вокруг больницы – с рощей деревьев, плодоносящих грецкими орехами, за которыми мы с пацанами, конечно же, тайком лазали...

В центре села находилось еврейское местечко. Так и говорили: «Пойдём в местечко». (Отсюда и выражение, кстати, – местечковые евреи). Евреи у нас занимали руководящие посты – в школе, МТС, заведовали магазинами, аптекой. Были у них также пошивочная мастерская, парикмахерская, они торговали в магазинах. В общем, это был своего рода центр культурной и светской, если так можно назвать, жизни.

В центральном клубе три раза в неделю крутили кино. Помню первый фильм, который я посмотрел – «По щучьему велению, по моему хотению». Другие фильмы той поры помню тоже – «Крейсер «Варяг». И, конечно, вершину тогдашнего киноискусства – четырёхсерийную киноленту «Тарзан», полученную после войны по репарации из Германии.

Фильмы показывали и в другие дни недели, и к восьмому своему классу я насчитывал, помня название, содержание и основных героев, 500 фильмов.

Еще я был завзятым книгочеем. В центре нашего села был высажен парк, в котором находилась братская могила и памятник солдатам, погибшим в Великой Отечественной войне. И здесь была библиотека, а вторая – в нашей средней школе. Книги, которые я перечитал в детстве, стали, помимо школьных занятий, моими первыми университетами.

В школу я пошёл первого сентября 1946 года, не умея читать, а тем более писать. Война же была – какое дома могло быть учение – тут хоть бы просто выжить... На первом же занятии нам дали задание – принести на следующий день десять ровно оструганных палочек, обязательно перевязанных резинкой, чтобы они не рассыпались и не потерялись. Новых резинок у нас, конечно, не было – откуда бы они взялись – и мама её вытащила из каких-то «бэушных» старых трусов. Кажется, резинка эта еще сохранила упругость. Палочки же эти нам нужны были для счёта.

Читать меня научила мама. Она в то время заболела и, наверное, сильно, потому что я не помню, чтобы она когда-нибудь вообще болела, а тем более лежала в постели. И вот – как сейчас помню – я зашёл к ней в комнату и стал возле. Она говорит:

– Садись, сыночек, ко мне на кровать, вот сюда, с краешку... Как у тебя дела в школе?

– Учительница научила меня отличать буквы, – отвечаю я маме, – а складывать их в слова у меня не получается.

– Ничего, сынок, мама тебя научит читать...

И вот так своим тихим, спокойным, ненавязчивым голосом учила и научила из букв сначала складывать слога, из них слова, а потом и целые предложения. И это притом, что сама она закончила всего полтора года церковно-приходской школы.

Через месяц-полтора я уже читал быстрее всех в классе. А когда сказали, что в школе есть библиотека (я слова-то такого не знал), что там много книг, я могу записаться в читатели и бесплатно получать книги – для меня это стало одним из главных событий в жизни. Я так пристрастился к чтению, что жить без него не мог. Шёл в школу – читал на ходу, обратно шёл – читал (если только не было дождя или снега). Ел дома наскоро – тоже в это время читал. Лунными вечерами и ночами, чтобы не жечь дорогой и дефицитный керосин, читал при свете луны.

Когда узнал, что есть, оказывается, ещё и сельская библиотека, стал и там одним из самых завятых читателей. Книги я буквально глотал. Библиотекарь дядя Саша, когда я прибежал за очередной порцией, даже устраивал мне временами беглый экзамен: ну-ка, мол, расскажи, что в этой книге, что в другой, какие там герои. А память у меня тогда была такая, что всё запоминалось слёту.

Какие книги читал? Все – какие попадались. Начинал, конечно, со сказок, какие только были в библиотеках – русские, украинские, французские, кажется, даже... Разные детские

книжки, а потом и взрослые. Особенно меня поразила как-то зачитанная чуть ли не до дыр книжка без титульного листа – это были рассказы о Шерлоке Холмсе Конан Дойля. Я учился, наверное, классе в третьем, и рассказы эти произвели на меня неизгладимое впечатление.

Читал, повторяю, все подряд, без разбора, всё, что попадалось под руку... «Как закалялась сталь», «Повесть о настоящем человеке», книги про партизан, про индейцев... «Соколиный глаз», «Чингачгук – Большой Змей» Фенимора Купера – это тоже, конечно, мои герои. Как и Робинзон Крузо, дети капитана Гранта, «Время не ждет» и Мартин Иден, золотоискатели и моряки Джека Лондона, Ассоль и капитан Грей Александра Грина – это все мои любимые герои, как и Гулливер, герои Цусимы... Все они во многом сформировали меня как личность, стали ориентирами на всю жизнь... Я ведь и бандюком мог вырасти, как некоторые мои сверстники. Но мы об этом поговорим после, а пока ещё о книгах.

Став старше, взрослее, я не утратил к ним интереса и открывал для себя О. Генри (его рассказы – моя настольная книга), Теодора Драйзера («Американская трагедия»), Генрика Сенкевича, Марка Твена, Диккенса, Мопассана и Золя. Пушкин «читал с охотой Акулея», а я – «Декамерон» и «Гаргантюа Пантегрюэля»...

Очень я Гоголя полюбил... «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тараса Бульбу»... «Переяславская рада». Генриком Сенкевичем увлекся... Особенно много читал в детстве и в юности и даже хотел поступать в Московский госуниверситет (МГУ) на факультет журналистики... Но тут я сильно вперед забежал – об этом мы, может, потом поговорим...

Были и есть книги, которые я читал не по одному разу и к которым возвращался в разные периоды моей жизни. И я всю жизнь собирал книги, покупал, где только мог, искал и запрещенные в свое время – того же Солженицина – «Один день Ивана Денисовича»...

Перечислить всё мной прочитанное вряд ли возможно. Э. Хэмингуэй, которого я также глубоко чту, сказал, что «для тех, кто хотя бы однажды жил в Париже – это праздник, который всегда с тобой». Для меня же праздником, который всегда остаётся со мной, были, есть и будут прочитанные мной книги. Потому ещё, что не было, когда я их читал, сотовых телефонов, айфонов и планшетов, всей этой телевизионной и прочей интернетовской мути. Книги и хорошие журналы и ещё, конечно, кино становились для людей моего поколения окном в большой мир. Я, во всяком случае, познавал этот мир прежде всего по книгам. И как же я могу не быть им благодарен, не преклоняться перед ними.

С сожалением должен признаться, что стихами и поэзией вообще мне не пришлось увлечься. Может потому, что не встретились мне, как принято говорить, в нужное время в нужном месте истинные знатоки и ценители высокой поэзии. Тем не менее, уже в зрелую пору жизни полюбились, легли мне на душу стихи Лермонтова и Есенина...

Семья. Моя болезнь

Наша семья накануне войны состояла из пяти человек. Папа Филипп Лукьянович – комбайнёр, механик местной МТС (машинно-тракторной станции); мама Анна Ильинична – колхозница и одновременно папина помощница на комбайне; бабушка Юля – папина мама; моя старшая сестра Зиди и я.

Папа был уважаемым в округе человеком, можно сказать, грамотным – окончил в детстве два класса церковно-приходской школы и уже в советское время – училище механизации. Его профессия в ту пору считалась очень престижной (правда, слова этого в то время для нас не существовало). Папин отец погиб в Первую мировую (тогда говорили в Империалистическую) войну. А мамин отец сгинул в лихолетье Гражданской войны.

У папы была сестра, моя тётя. Нина, которая жила в соседней деревне, за пять километров от нашей.

У мамы были две сестры – мои тётки – старшая Феодосия и младшая Ксения. Мамина мама – бабушка Таня – жила с одной из них. У бабушки было восемь детей, троих я назвал, остальные умерли в их молодые годы.

Обе мои бабушки были долгожительницами: бабушка Таня прожила 101 год, а бабушка Юля – 98...

И вот июнь 1941 года, война... Папу забрали на неё прямо с комбайна, в артиллерию. Их гаубичная батарея 152-миллиметровых орудий формировалась в Одессе. Папа успел дать телеграмму, что их эшелон в определённое время будет проезжать через железнодорожную станцию Заплазы – в девяти километрах от нас. Мамы в это время дома не было, она находилась в соседнем районе по продовольственным делам семьи.

Тётя Нина схватила в охапку меня и вместе с моей сестрой и бабушкой они побежали на станцию. Поезд уже стоял на путях, папа их увидел на какое-то мгновение из теплушки вагона... Паровоз свистнул, состав тронулся. Тётя Нина бежала рядом с паровозом, и я от испуга чуть не выпал у неё из рук...

Это было начало июля. Мне, соответственно, год и девять месяцев...

Почему я так подробно пишу об этом? Потому что от перенесённого испуга я заболел страшной болезнью. В народе её называют младенческой или ещё младенчиком. Такую ещё и сейчас не лечат, а тогда... Я мог кричать сутками, не переставая. Мама со мной совершенно измучилась, и добрые люди посоветовали пойти ей к старенькой бабушке Зелинской, которая жила за 25 километров от нас, и попросить её полечить меня. И мама осенью 1941 года, в самую распутицу, по раскисшему чернозему, взяв краюху хлеба и меня, орущего изо всех сил и вырывающегося из её рук, отправилась к этой бабушке. Транспорта, конечно, никакого не было – шла пешком...

Дошла и едва переступила порог, как та, взглянув на неё и орущего меня, сказала:

– Знаю, знаю, какое у тебя горе. Пойди к моим соседям, попросись пожить у них три дня. Каждый день с утра приходи, я буду творить молитву и делать всё необходимое.

Через три дня я перестал кричать. Мать подошла ночью ко мне спящему – решила, что я умер... А утром бабушка Зелинская сказала маме:

– До семи лет, дочка, береги своего сыночка: ни словом, ни криком, не дай Бог ударом, не обижай. И всё это пройдет как страшный сон. И ты ещё гордиться будешь им, и будет он великим человеком, и многие люди будут его уважать.

С тех пор я творил в семье, что хотел. Спрашивали:

– Будешь есть?

– Не буду!

– Пойдешь туда-то?

– Не пойду.

И никто ни словом меня не попрекнул...

Помню жаркое лето... Мне семь лет... Из еды признавал только молоко и хлеб, всё же остальное – мясо, масло, сало, о чем другие тогда только мечтать могли, – Боже упаси!

И тогда баба Юля повела меня к другой бабушке, далековато от нас – долго шли, и жарко было. Зашли в хату, в ней тихо, спокойно. Земляной пол зеленой травкой посыпан. Я босиком, и травка приятно так ноги щекочет... Муха снаружи в окно бьется...

– Садись, сынок, – услышал я голос.

– Он не сядет, – обреченно говорит моя бабушка.

– У меня сядет.

Я сел. И теперь помню её лицо – какие на иконах бывают. Только там – молодые, а у неё в морщинах. И руки узловатые, изработанные.

– Сними маечку и ложись вот здесь, на лавке, на спинку.

Я подчинился. Она взяла яйцо, покатала им мне по груди, по спине, пошептала... Что-то ещё делала – побрызгала водой, что ли. Яйцо отдала моей бабушке, строго наказав ни в коем случае самим не есть, а скормить собаке.

А мне она дала большой ломоть хлеба, намазав маслом и посолив.

– Да не будет он исты! – это моя бабушка.

– Будет! – это та, у которой мы были.

Я съел и в меня будто добрый дух вселился, сила в моё тело вошла, во все мышцы.

С тех пор я стал нормальным ребёнком. Бегал не только быстрее всех в классе, но и в школе. Как молодой лось был, призовые места на районных соревнованиях занимал. А нас только в школе было 940 учеников с радиусом притяжения детей из соседних деревень за семь и даже 12 километров...

К сожалению, не помню свою первую учительницу – как её звали, фамилию... Осталось лишь ощущение как от матери, от которой исходит тепло, доброта, надёжность...

Что я помню о войне

Что я помню о войне? Сохранились по большей части отрывочные воспоминания и в то же время достаточно яркие. Что-то в них дополнилось более поздними рассказами мамы, сестры, бабушки... Все это отчасти перемешалось... Но и своё тоже помню. Как, например, летели через нашу деревню на восток немецкие самолеты – целыми эскадрильями, с крестами на крыльях. Натужено ревели моторами. Было нечто зловещее в этом их полёте, становилось страшно, хотя нас они не бомбили и не расстреливали. Обратное они возвращались облегчёнными, будто радовались, что совершили свою адскую работу...

Помню, как отступали наши, как гнали через нашу деревню скот на Восток – по широкой улице, которую запрудила, как серая бляющая река, отара овец... Какие-то люди на лошадях призывали тех, кто будет эвакуироваться, собраться на северной окраине Ясиново...

Наша мама рассудила так: куда нам эвакуироваться? Здесь наше гнездо, здесь у нас всё. А где-то там никто не ждет – ни с едой, ни с ночлегом. И мы остались, и правильно сделали. А в оккупации выжили благодаря маме, которая была не просто великой труженицей, но и, как сказали бы теперь, предприимчивой женщиной.

Первое, что она сделала, когда через нашу деревню гнали скот в тыл, совершила, по-нынешнему говоря, выгодную бартерную сделку: обменяла здорового барана на четверть самогона. Обычно самогон показывают в кино в бутылках мутный, неприглядный, даже с виду вонючий. У мамы же этот товар был отменного качества – чистый, как слеза, и такой крепости, что горел, если плеснуть в ложку и поджечь.

Маме отбили и помогли загнать во двор здорового, как телка, барана и в дополнение к нему ещё плащ-палатку оставили, тоже большую, пятнистую. Из неё мне позже сшили штаны на вырост – невероятной прочности. Можно сказать, это были несносимые штаны. Потому что, когда я подрастал, их, закатанные и подшитые снизу, чуть отпускали и опять подшивали. И если сами штаны на солнышке давно выгорели, нижние полоски на них после удлинения всегда оставались тёмными. Всем штанам штаны были – непромокаемые и непробиваемые – я них через любые колючки смело продирался. Одно плохо – ткань в этих бронебойных штанах такая была, что я натирал в них промежность до кровавых мозолей.

Но вернёмся, как говаривал литературный герой, к нашим баранам, вернее, к тому единственному, что выторговала мама. Я его тоже помню, подвешенного за задние ноги, наполовину освежёванного, с которого приглашённый мамой односельчанин снимал шкуру. Баран был курдючный, жирный, туша – розово-белая, покрытая жиром.

Но ведь это лето, жара... Никаких холодильников у нас в ту пору в помине не было. И опять помогла мамина смекалка и дальновидность. Они с бабушкой разрезали тушу на мелкие кусочки, растопили во дворе печку (летом всегда и готовили на ней, и кушали здесь же)

и стали это мясо жарить в двух больших чугунных казанах, сдабривая курдючным салом. Жарили до полной готовности и набивали в глиняные крынки с широким горлом. Мама их буквально наталкивала жареной бараниной и заливала поверху топлёным бараньим жиром. У сестры-школьницы, закончившей к тому времени второй класс, оставались ученические тетрадки. Мама вырывала из них двойные листы, пропитывала также бараньим жиром, отчего они оказывались как бы вощёнными, накрывала крынки этой бумагой, а сверху порезанной по размеру старой клеёнки. Обвязывала крынку понизу горла резинкой или верёвочкой... Как сейчас помню целый рядок стоит этих крынок-гладушиков, содержимое которых спасало нашу семью в период оккупации.

Коровы в ту пору у нас не было (из живности – собака и кот, о которых будет отдельный рассказ), но куча навоза возле сарая оставалась. Мама перекидала её в сторону, очистив место до самой земли, накопала ямок, примерно с полметра, для каждого гладушика отдельно. Уточню: не в доме и не в сарае, а около него ямки с гладушиками закопала, место же опять забросала навозом – как будто лежит, как лежал, нетронутым. И всё это, конечно, тайно, в потёмках, чтобы никто из чужих не видел. А нам всем наказала держать языки за зубами. Мы вообще жили в оккупации скрытно, тайно и никаких секретов из дома не выносили. Никогда не было в нашем доме воровства и обмана. А в других семьях случалось: нищета ведь, голод, пацаны могли, например, яйца приворовывать и нести на базар. У нас же никогда ни одной вещи, ни одной копейки не пропало.

А гладушики с бараньим мясом, повторяю, нас в самое голодное время спасали. Приходили полицаи, лазали по чердакам и сараям, сено протыкали – искали продукты, но мамину захоронку не нашли.

Впроголодь жили все, многие просто голодали. Собирали колоски, выщелушивали зёрна... Люди научились делать ручные мельнички, на которых мололи эти крохи, обычно оставляя себе часть полученного продукта за работу: девять стаканов муки тому, кто принёс зерно молоть, а десять – хозяину мельнички... И вот мама сварит какую-нибудь затируху, у которой ни запаха, ни вкуса, а добавит туда ложку «консервы» из того барана – и получается сытное, калорийное блюдо. У других, случалось, и пухли от голоду, и умирали даже, а мы благодаря находчивости, трудолюбию, предприимчивости мамы спаслись.

У мамы ничего не пропадало. Так в дело пошло не одно только мясо того барана, но и шерсть с его шкуры. Мама её остригла – целый мешок шерсти вышло; рассортировала, постирала, высушила. И зимой они с бабушкой эту шерсть пряли. Из самой лучшей пряжи потом мама вязала великолепные женские платки – воздушные, невесомые, с изумительной красоты рисунками. После стирки мама их натягивала на рамку, они отбеливались на солнце и нарасхват шли на базаре. Из более грубой, но качественной пряжи мама вязала шали, которые тоже пользовались спросом, – те военные зимы были очень холодными... А уж из, казалось, никуда не годных остатков мама вязала нам всем варежки и носочки. Так что это было стопроцентное безотходное производство. Даже остающийся мусор и тот шёл в топку...

Что ещё рассказать об оккупации? У нас были партизаны за 12 километров, в Жеребковском лесу, который тянется через всю Украину в Молдавию и Румынию. Но в Ясиново, где была расквартирована румынская часть, военных действий не велось. Так что, можно считать, нам ещё повезло...

Как-то я в кустах за нашей летней печкой во дворе обнаружил два красивых телефонных провода – красный и синий. Эту их оплётку местные умельцы использовали для изготовления женских украшений. Женщины из них и монисто носили.

Я хоть и мал был – сразу смекнул: как красиво будет увидеть их на маме и сестре. Взял топорик, которым мама щепки на растопку рубила, и отчекрыжил метра по три-четыре обоих

проводов. Смотал, спрятал и топор положил на обычное место, рядом с камнем, о который его точили...

Вдруг вижу – бегут два немца, здоровенные, в касках, с ребристыми термосами за спиной. Связисты, наверное, были – связь же я им нарушил. Нашли мой обрыв, соединили, у них с собой катушка была. И ушли, ничего не сказав, только взглянули на меня строго... Бабушка сразу всё поняла, заохала, запричитала:

– Сынок, не делай этого больше никогда, Боже упаси!

Но я продолжал шкродничать. В 1944 году у нас однажды ночевал немецкий офицер. Нас он из комнаты выгнал, переночевал и ушёл. А пистолет свой забыл на подоконнике – с ребристой ручкой, тяжёлый такой. Бабушке я решил похвалиться находкой. Она перепугалась, наказала всё, что найду, обязательно ей отдавать.

Пистолет бабушка в подол завернула, спрятала, а тут и немец прибежал:

– Матка, пук-пук? – и пальцем на меня показывает: – киндер, киндер?

Даёт ей понять: не малец ли ваш пистолет утащил? Она в ответ головой машет: ничего, мол, не видела, не знаю... И он ушёл.

Однажды, примерно в то же время оккупации, чуть без руки не остался. Мама сварила лапшу, летом на улице, в казане, а я пробегал, как всегда вприпрыжку, мимо и случайно сунул туда руку. Мама хотела быстро с меня рубашку снять и сняла вместе с моей шкурой по локоть.

Где-то она достала гусиный жир (гусей у нас не было) и гусиным же или утиным пёрышком стала мазать обожжённые, оставшиеся по сути без кожи, места. И зажило как на собаке, ни следа от того страшного ожога не осталось...

Да, сколько мама для меня и для всей нашей семьи сделала. Я перед ней в неоплатном долгу...

Ещё о войне... Не хотелось бы утомлять читателя чрезмерными подробностями моей военной, если можно сказать так, биографии, но, думаю, наверное, и другим будет интересно то, что осталось в моей детской памяти.

Март, грязь непролазная... Немцы отступают... Наше Ясиново расположено в низине, а с боков – пологие увалы, метров по 150. И к тому же у нас здесь песок, а через речку – чернозем. Говорили даже: тут надо ходить в двух парах сапог – одни на ногах, а другие – в руках, чтобы можно было переобуться, когда один или другой сапог в грязи утонет.

Немцы шли через эту болотину грязные, обросшие, вшивые, в разбитых сапогах и подвязанных шинелях. Откуда знаю, что вшивые? Они костер у нас около хаты, чуть не под стрехой, развели (бабушка ругалась: «Сожжёте нам хату, окаянные») и над этим костром свою завшивленную одежду прожаривали. Раздевались без всякого стыда догола – даже кальсоны снимали, и я помню, как трещали сгораемые в костре вши...

Помню двух быков с ярмом на шее, похоже, бесхозных, потому что шли они сами по себе... И немцам не до них – отступают.

Тогда же впервые автобус увидел – с большими окнами, раздвинутыми занавесками. И в одном – немец бреется, хотя автобус движется – там дорога ровная. Я кричу:

– Мама, мама! Хата на колёсах и немец в окне бреется!

...В семействе нашем было тогда три мужика: я, кот Бун и собака Тарсик. О коте скажу лишь, что прославился он тем, что утащил из кастрюли курицу, которую мама поставила вариться, а взрослые отвлеклись – в лес за дровами собирались... Курицу же Бун использовал по прямому назначению и долго потом никому на глаза не показывался.

Тарсик же был выдающийся пес – здоровенный волкодав, который лаял так, что его было слышно в деревне за пять километров, где жила сестра отца, моя тётя, Нина. Погиб он уже после войны: плотно поел и в поисках воды оборвал цепь, прибежал на речку, напился, но провалился под лёд и не смог выбраться на берег. И было у нас чувство – будто близкого человека потеряли...

В войну в нашей деревне была расквартирована румынская часть, и в этом нам, можно сказать, повезло: румынские солдаты к местному населению почти не касались, не бесчинствовали, людей не обижали. А вот полицаи, чужие правда, не местные, бывало зверствовали. Такой вот парадокс – враги могут быть человечнее «своих», бывших советских...

У нас был, конечно, свой огород, где выращивались картошка и овощи и еще кустовой виноградник, соток, наверное, 15. И когда он начинал созревать, мама его караулила – метрах в пятидесяти от хаты небольшой летний курень был, а на вооружении у неё – вилы-тройчатки, собака опять же...

И вот как-то, уже после полуночи, тихий дождь накрапывает, собака на привязи дремлет, мама слышит тихие шаги – чап-чап, чап-чап – и видит две фигуры в лунном свете. Румынские солдаты босиком, чтобы не слышно было, и в закатанных штанах, чтобы их не замочить – уже роса упала... Винограду им захотелось – они же там у себя только его да кукурузную кашу-мамалыгу ели.

Спустить собаку – порвёт ведь, молодые совсем парни... Словом, как-то спугнула она их, запомнив лица «переляканных» (то есть перепуганных) румын. Но дело так решила не оставлять и тем же утром побежала в комендатуру жаловаться: что же это, мол, такое творят ваши воины, лезут по винограднику, топчут...

А дальше было вот что! Офицер дал команду выстроить всё своё войско – в шеренгу по одному. Откуда-то притащили широченную лавку, возле которой нарисовался здоровенный мужик с нагайкой.

– Ну, матка, показывай, где они, твои обидчики?

Тут уж мама и сама не только опомнилась, но даже испугалась: их ведь до смерти могут запороть. А ей как жить потом с этим грехом. А если их товарищи в отместку потом хату сожгут...

Лица любителей винограда мама хорошо запомнила и в строю их, конечно, узнала, позеленевших от страха в ожидании предстоящей экзекуции...

Ответ же её был таков:

– Их тут нема, – сказала твёрдо. – Тих, яки у мэне были.

– Ну, гляди, матка, если в другой раз не узнаешь – сама получишь 25 горячих, – строжился офицер, похоже, прекрасно разгадавший её благородную, спасительную для его подчинённых, неправду...

И, действительно, был случай, когда другую женщину показательно выпороли на такой же лавке, задрав подол и оголив зад в старых, латанных-перелатанных трусах... Тут такая история. Командир-румын завёл себе любовницу – медсестру местной больницы. На свидание к ней примерно за полкилометра он ездил на экзотической легковой машине, и она, как на грех, однажды забуксовала – дорогу песком засыпало. Комендант разгневался и дал команду старосте из местных, чтобы ясиновские женщины ее почистили. Поручение его не было выполнено, машина опять забуксовала, и он вызвал старосту: в чём дело? Да не хотят, мол, бабы, одна даже сказала: пусть сам дорогу к своей бляди чистит, а то и вовсе пешком ходит – недалёко...

И языкатую бабу выпороли, после чего она первой побежала благоустраивать проезжую часть. Историю же эту ещё долго в Ясиново вспоминали. И когда стали после войны возрождать социалистическое соревнование, можно было услышать от переживших оккупацию: «На хрен

это все нужно? Одного румына опять вернуть с нагайкой – и никакого соревнования не надо... И всё, что надо, будет сделано».

Говорил уже, что у нас в войну, если и бесчинствовали, то лишь полицаи... Была в нашей оккупационной жизни одна трагическая ночь. Как-то к нам в хату ввалился пьяный полицай, стал ругаться, угрожать и непонятно было, что ему надо. Орал:

– Вы все коммунисты! Ваши мужики против нас воюют!

Затем сел задом прямо на стол и ногами высадил окно на нашей кухне вместе с рамой. И как только зазвенели разбитые при этом стекла, видно, всё же появился в его пьяной башке проблеск сознания: что же это я тут натворил, почему и зачем? Он сразу как-то обмяк, притих и сбежал.

Было холодно – и от пережитого страха, и оттого, что с улицы дуло... Мама заложила оконный проём, подушкой, каким-то тряпьём, и мы как-то переночевали...

А утром мама пошла в комендатуру, и нам прислали плотника, который вставил и застеклил окно... Такое было у румынского начальства отношение к мирному местному населению.

Наша хата стояла недалеко от комендатуры, возле которой всегда было людно, полицаи там толклись... Мы это место старались обходить и даже временами прятались у папиных друзей, которые жили подальше. Ночевали у них, а собаку Тарсика пускали на длинную цепь... Немцы уже отступали, и мы боялись, если вдруг наша хата загорится или её подожгут, как бы Тарсик вместе с ней не сгорел.

Выживали тогда, кто как мог... Люди в огородах даже сеяли рожь, пшеницу, что-то из них потом готовили. А мама рожь и пшеницу не садила, она мыло варила (об этом я расскажу отдельно), продавала на базаре и хлеб покупала.

Я это потому всё рассказываю, чтобы понятно было: укрыться-то у папиных друзей мы могли, но ни в коем случае не имели права их объедать. Они и сами жили впроголодь, поэтому мы должны были с собой чего-то съестного принести или обязательно вернуть, если вдруг подкормились за их счёт.

Так мы с мамой однажды пошли за хлебом в свою хату. Она была как бы из двух частей: белая, в которой мы жили, и чёрная, недостроенная – что-то вроде чулана или кладовки. И вот пришли, а я почему-то в хате один оказался. Стою, держась за ножку кровати. Открывается дверь снаружи и через проём двери вваливается длинный немец в короткой шинели. И мы стоим – друг против друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.